

ИДЕИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А.М. УЛНОВСКИЙ

Статья посвящена анализу, соотнесению и развитию ключевых идей феноменологии Э. Гуссерля в контексте современных проблем, теорий и направлений исследований в психологии. Представлены ключевые феноменологические концепции и оригинальные линии разработки в психологии и психотерапии: концепции переживания, сознания, внутреннего времени, интенциональности, смысла, «я», жизненного мира. Предпринята попытка обоснования, содержательного наполнения и определения понятия «феноменологическая психология», обозначающего подход, который основан на идеях феноменологии и ориентирован на изучение многообразия форм непосредственного опыта человека.

Ключевые слова: феноменология, феноменологическая психология, переживание, сознание, время, интенциональность, смысл, «я», жизненный мир.

В последние годы в психологии и психотерапии можно наблюдать возрождение интереса к феноменологии, о чем говорит значительное возрастание публикаций по данной тематике, проведение специальных конференций¹, открытие центров и обучающих программ по феноменологической психологии и психотерапии. Этот интерес стимулируется поиском новых идей и методов, которые позволили бы расширить возможности эмпирических исследований и справиться с набирающими силу релятивизмом и эклектизмом в мировоззрении психологов. Фено-

менология все больше привлекает и отечественных психологов, чей интерес подкрепляется изданием все новых, ранее не переводившихся работ Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Шелера, М. Мерло-Понти,

¹ Одна из последних таких больших конференций «Новые рубежи феноменологии: за пределами постмодернизма в эмпирических исследованиях» проходила в рамках 26-й Международной конференции, посвященной исследованиям в области гуманитарной методологии (г. Роверето, Италия, 2007). Она собрала вместе философов, психологов, психотерапевтов, семейных консультантов и представителей различных социальных наук. Основной темой конференции стала оценка перспектив феноменологии как исследовательского подхода и обсуждение конкретных эмпирических исследований в области психологии, философии, социальной работы и образования (подробнее см. [23]).

А. Шюца и ряда современных авторов, развивающих это направление за рубежом. Мы открываем для себя феноменологию в полноценном виде, избавляясь от предубеждений и привычки судить о ней по чужим критическим отзывам. В данной статье мы представим ключевые идеи феноменологии, стремясь показать их значение для психологии и перспективы дальнейшей разработки.

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Феноменология как учение заключает в себе множество оригинальных идей и концепций, в которых затрагивается проблематика, традиционно входящая в сферу компетенции психологии: концепции переживания, сознания, внутреннего времени, «я» и др. Все эти концепции крайне сложны для анализа, понимания и пересказа на каком-то другом языке — оттого они так и не вошли, например, в большинство учебников по истории психологии. Немногочисленные попытки ясно и доступно описать эти концепции в психологии сводились либо к простому повторению замысловатых формулировок Э. Гуссерля и обсуждению интересовавших его проблем на его же языке (конституирование предметности, аппрезентация, ноэтически-ноэмматические структуры, политетические акты и пр.), либо к невольному превращению их в нечто банальное, избитое и бесполезное (как сами по себе тезисы типа «сознание есть всегда “сознание о”», «сознание темпорально» и др.). Стаяясь избегать обеих крайностей, мы будем стремиться показать то, что было взято психологией из феноменологии, и то, что могло бы быть взято, но по-прежнему остается незамеченным. Под «феноменологией» мы будем подразумевать преимущественно ее исходный вариант, предложенный Э. Гуссерлем, оставляя вне рас-

смотрения ее более поздние версии и истолкования; под «феноменологической психологией» — оригинальный психологический подход к исследованию и психотерапии, основанный на идеях и методах феноменологии (скорее еще продолжающий формироваться, нежели до конца определенный и законченный). В то же время многое из представленного в данной статье также есть лишь «версия» феноменологической психологии и некоторые из развиваемых в ней представлений являются неизбежной модернизацией исходных идей.

1. ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК ИСХОДНАЯ ДАННОСТЬ

Переживание является одним из ключевых понятий феноменологии и герменевтики, и во многом благодаря их влиянию оно приобрело статус одного из центральных понятий современной философии и психотерапии. Само немецкое понятие *переживания* (das Erlebnis) происходит от слова «переживать», которое исходно значило «быть еще в живых, когда случилось нечто» [3; 105]. Именно отсюда данное понятие приобретает, согласно Х.-Г. Гадамеру, значение непосредственной воспринятости человеком чего-либо в противоположность тому, о чем человек лишь полагает, что знает: нечто услышанное от других или являющееся результатом умозаключения, предположения, работы воображения. «Пережитое — это всегда пережитое самостоятельно» [3]. Примечательно, что понятие *переживания* и в исходном своем значении и в последующем развитии в феноменологии и герменевтике оказывается тесно переплетенным с понятиями *жизни* и *сознания*. Сознание — это поток переживаний, а сама жизнь есть то, что манифестируется в переживании.

В феноменологии *переживание* является широким названием всякого вида опы-

та, который предметен², обладает смыслом, который в той или иной форме представлен в сознании и который мы идентифицируем как связанный с нашим «я». Переживание – это то, что мы действительно испытали, в том виде, как мы это испытали, вне зависимости от того, что «реально происходило» с нами, нашим организмом, объектами внешнего мира. Это нечто схваченное в ощущении, восприятии, воспоминании, желании и т.д. в том виде, в котором мы ощущали, воспринимали, вспоминали, желали и т.д. [8; 323–329]. Феноменологический анализ переживаний предполагает анализ наличного в нашем сознании или опыте, не боясь в расчет, имеет ли это наличное какое-то отношение к внешнему миру или «реально происходящему». Таков ли в реальности предмет, как мы его видим? Так ли все было, как мы сейчас об этом вспоминаем? Действительно ли позитивно то событие, которое мы переживаем как радость? Все эти вопросы лежат вне проблемного поля феноменологии.

В феноменологии подчеркивается особый статус наших переживаний: они являются всему предпосланными. Переживание есть то, бытие чего не может быть подвергнуто отрицанию. Мы можем сомневаться в существовании чего угодно, кроме наличия определенного переживания в данный момент времени, принадлежащего нам. Первое, что приходит в голову человеку, возвращающемуся в сознание после какого-либо происшествия, – мысль о том, что он воспринимает (видит, слышит, чувствует) нечто, а следовательно, все еще жив. Обращаясь к соб-

ственному переживанию, как пишет Э. Гуссерль, я постигаю себя как субъекта этой жизни и с необходимостью констатирую: я есмь, эта жизнь есть, я живу [4].

Существует несколько психологических концепций переживания, которые основаны на идеях феноменологии, связанны с психотерапией и задают новые линии развития этой темы. Наиболее известная из них принадлежит Ю. Джендлину, согласно которой переживания даны нам в виде постоянно присутствующего в нас неотчетливого «телесного чувства» происходящего, выражающего наше отношение и доступного для прямого обращения и символизации [32]. Подлинный прогресс в ходе психотерапии, по мнению Ю. Джендлина, происходит именно на уровне *изменений в переживании*, а не в способе понимания или рассмотрения собственной жизненной ситуации. Разработанный им и получивший широкое признание психотерапевтический метод *фокусирования* предполагает сосредоточение на своих непосредственных переживаниях и специальную работу с ними (подробнее см. [9], [26]).

2. СОЗНАНИЕ КАК СИНТЕЗ

Феноменологии принадлежит одна из самых сложных, интересных и до сих пор плохо осмысливших в психологии концепций сознания. Эта концепция отличается от других концепций сознания, созданных в XX столетии и построенных на сопоставлении различных теоретических представлений, развитии оригинальных идей (бессознательное, знаковая опосредованность, соотношение «значение–смысл», эмерджентные свойства, автопоэзис, холономный принцип и т.д.) или интерпретации каких-то интересных эмпирических исследований в области экспериментальной психологии, физиологии, нейробиологии, кибернетики и даже физики. Э. Гуссерль с самого начала попытался отойти от всего известного, бесспорного с точки зре-

² Единственный род переживаний, которые, согласно Э. Гуссерлю, являются непредметными, неинтенциональными, – это ощущения, однако они всегда вплетены в структуру предметных, интенциональных переживаний в качестве их составляющих. Х.-Г. Гадамер отмечает в этой связи, что понятие переживания становится у Э. Гуссерля называнием всякого опыта, сущностная структура которого – интенциональность [3].

ния здравого смысла, устоявшегося в философии или «эмпирически доказанного» в психологии. Уникальность этой концепции в том, что она опирается на рефлексивные исследования, целью которых было установление мельчайших различий в многообразных актах сознания, структуре, смыслах и связях переживаний. Говоря словами А. Райнаха, целью феноменологии стала «инвентаризация сознания», установление типов переживаний как таковых [19].

С позиций феноменологии, сознание – это прежде всего *опыт*, который можно идентифицировать и воспроизвести [16]. Нам всем хорошо знаком этот опыт – мы все обладаем им; например, мы обладаем им в данный момент. В этом смысле сознание – это отнюдь не предельная абстракция, как иногда о нем говорят. Этот опыт самобытиен, и его невозможно свести к чему-то еще: например, к использованию знаков или значений, процессам категоризации, системе «личностных конструктов» – ко всему тому, к чему последнее время так настойчиво мы стремимся свести сознание в психологии. Э. Гуссерль полагал, что нужно вне всякихспешных аналогий и предрассудков рассмотреть жизнь сознания такой, как она представляется непосредственно, а она представляется в своей текучести, сменяющих друг друга фазах, в актах придания смысла и бытийного статуса чему-либо и т.д. Чтобы задать концептуальную рамку дальнейшему обсуждению, перечислим основные характеристики сознания, которые были выделены и исследованы в феноменологии: 1) интенциональность – постоянная предметная направленность сознания; 2) темпоральность – его текучесть и подверженность непрерывным изменениям; 3) континуальность и целостность – преемственность и внутренняя связь потока переживаний; 4) структурированность – наличие порядка и определенного соотношения компонентов переживаний; 5) самоданность – доступность

происходящего в сознании и переживаниях для созерцания и рефлексии; 6) абсолютность – самобытность сферы сознания и переживаний и отсутствие прямого причинного воздействия на них со стороны реального мира.

Если рефлексивно обратиться к тому, что и как мы сознаем в данный момент, мы легко заметим, что объекты, которыми мы заняты, постоянно колеблются в своей ясности и отчетливости, непрерывно сменяют друг друга и преобразуются. Вслед за У. Джеймсом Э. Гуссерль описывает сознание как непрерывный *поток переживаний* [8]. Даже простейшее рассматривание какой-либо вещи (стол, книга и т.п.) представляет собой последовательность сменяющих друг друга впечатлений, раскрывающих эту вещь в различных ракурсах, нюансах и аспектах. Единство и связность потока сохраняются благодаря постоянно происходящим *синтезам переживаний*. То, что мы воспринимаем нечто как единый предмет, а не разрозненное многообразие впечатлений, – продукт синтетической работы сознания, объединяющего различные способы данности предмета (в различных ракурсах, перспективах, в воспоминании и т.д.). Интересно, что в психоделическом опыте люди описывают нечто похожее на распадение этого единства потока, когда окружающее воспринимается как цепочка отдельных сменяющих друг друга кадров – так, что один и тот же предмет, данный в другой перспективе, свете, дистанции, кажется чем-то иным или «меняющимся на глазах». Э. Гуссерль достаточно подробно описал активные и пассивные синтезы, осуществляемые сознанием, благодаря которым оказывается возможной стабильность в многообразии переживаний.

Именно синтетическую деятельность Э. Гуссерль называл «изначальной формой сознания». Вся жизнь нашего сознания образует синтетическое единство, объемлющее все отдельные попеременно выступающие на передний план переживания [5].

Если принять во внимание существующее в современной теории познания противопоставление позиций репрезентационизма и конструктивизма, то феноменология определенно тяготеет к последней³. Как пишет Н.В. Мотрошилова, поясняя позицию феноменологии: сознание не может копировать или отражать мир, но способно соотноситься с вещами внешнего мира через сложные процессы собственной деятельности, через переживания и их тончайшую обработку [17].

3. СМУТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И «БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ»

Если обратиться к проблематике *неосознаваемого*, то все, о чем мы можем говорить, будучи феноменологами, – что есть более ясное и более смутное сознание. Вся та мифологизация «бессознательного» и рассмотрение его как особой сферы со своими законами, которая характерна сегодня не только для психоаналитических теорий, но и для ряда других популярных направлений психологии и психотерапии, чужда феноменологии. Как писал Э. Гуссерль, бессмысленно говорить о некотором «неосознанном» содержании, которое лишь впоследствии становилось бы осознанным. «Сознание с необходимостью есть сознание в каждой из своих faz» [7; 139]. С феноменологической точки зрения «бессознательное» можно определить как (1) смутное, спутанное сознание и (2) отсутствие «я», утраты активного «я».

Мы не можем схватить все, что находится в потоке переживаний. В бесконечной смене впечатлений, мыслей, образов, слов всегда есть то, что мы не успеваем схватить, на чем не успеваем останов-

виться, что остается лишь «промелькнувшей мыслью», опасением, ожиданием, радостью и т.д. Можно сказать, что «неосознанное» – это тот комплекс переживаний, которые лишь намеком проскальзывают у нас во время восприятия или размышления о чем-либо, которые мы не успеваем полноценно осмыслить, которые не получают своего «слова», артикуляции, развернутого верbalного воплощения и которые быстро замещаются другими переживаниями. Каждое из актуальных переживаний, согласно Э. Гуссерлю, обладает своим темным горизонтом, ореолом, фоном – спутанным множеством неактуальных, «неувиденных» переживаний. Наше «бодрствующее сознание» может периодами прерываться спящим, полностью смутным сознанием, когда отсутствует различие между актуально сознаваемым и темным фоном [34]. В то же время предметом его интереса выступало именно бодрствующее сознание, тогда как «спящее» сознание, «бессознательное» выпадает из поля зрения феноменологии [17].

4. ВНУТРЕННЕЕ ВРЕМЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Одна из важнейших характеристик сознания и переживаний, описанных в феноменологии, – временность. Всякое переживание длится, протекает, меняется во времени. Это время переживания, или феноменологическое время, с его модусами данности «теперь», «до», «после», «одновременно», «одно после другого» отличается от объективного, космического времени, его нельзя измерить по положению солнца, часам и другим физическими средствами [4]. Всякое переживание имеет свое начало, обладает (1) точкой «теперь» и (2) горизонтом того, что было «до», следа переживания, только-что-бывшегося, или ретенции, а также (3) горизонтом того, что будет «после», своеобразного предвосхищения, или протенции. Другими словами, к «теперь»-переживанию с необходимо-

³ В то же время Э. Гуссерль был свободен от скептицизма, характерного для некоторых современных вариантов конструктивизма, и сохранял веру в человеческий разум, свободу, смысл истории, истину, строгую науку и единую философию.

стью примыкает переживание «вот только что прошло», которое, в свою очередь, есть некое новое «теперь». Э. Гуссерль отмечал, что ни одно переживание не может прекратиться без осознания его прекращения, что и знаменует возникновение нового «теперь» [4; 180–181]. Ни одно переживание не может также иметь значение полностью самостоятельного в силу взаимосвязи переживаний в потоке сознания. Любое переживание оказывает свое влияние на ореол — светлый или темный — дальнейших переживаний [4; 183].

5. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК НАЦЕЛЕННОСТЬ НА МИР

Понятие интенциональности, ставшее важнейшим понятием современной психологии сознания, часто рассматривается как одно из значительных достижений феноменологии. Об этом понятии феноменологи говорят с особым пиететом, хотя его обсуждения в большинстве случаев сводятся к повторению избитого тезиса о том, что наше сознание предметно, всегда направлено на какой-то предмет. Этот тезис может сегодня звучать достаточно тривиально для психологов, впитавших глубоко идею предметности. Именно поэтому данное понятие требует сегодня чего-то большего, чем цитирования хорошо известных тезисов.

Интенциональность, как полагал Э. Гуссерль, является неотъемлемой чертой любого сознания и осознания. Когда мы в сознании, когда мы сознаем — мы всегда сознаем нечто, переживаем нечто. Невозможно находиться в сознании, не будучи *нацеленным* на какой-либо предмет (воспринимаемый ли, вспоминаемый, фантазируемый, желаемый, радующий и т.д.). Когда мы смотрим, слушаем, высказываемся, мы направлены, устремлены, нацелены на какой-то предмет. Обратившись к тому, чем мы заняты в данный момент, мы всегда находим интен-

циональность: «я вижу дерево зеленого цвета; я слышу шелест его листьев, ощущаю запах его цветов» или «я вспоминаю мои школьные годы», «я опечален болезнью друга» и т.д. [6]. При этом, как отмечал Э. Гуссерль, для сознания данное в восприятии, воображении, мышлении есть существенно равное, независимо от того, существует ли представляемый предмет, является фикцией или бессмыслицей [8]. Может быть, поэтому при нарушениях в актах объективации и полагания реальности воспринимаемого (которые наблюдаются, например, в глубоком психоделическом опыте или при шизофрении) человек так легко может смешивать образы восприятия, ощущений и образы фантазии и его часто невозможно переубедить в существовании или несуществовании того, что дано его сознанию. Переживания и предмет всегда связаны между собой. В целом интенциональность означает порождение и приведение в действие сложно взаимосвязанных структур сознания, благодаря которым объект удерживается во внимании, опознается как тождественный и единый, несмотря на множество переживаний и оттенков [17].

Так или иначе, благодаря влиянию феноменологии идея интенциональности закрепилась в психологии к середине прошлого века, найдя свое воплощение в принципах предметности и осмыслинности, которые трактуются как основополагающие принципы психологического анализа [11]. Благодаря работам Р. Мэя, П. Тиллиха, И. Ялома и Дж. Бюдженталя понятие интенциональности получило свое распространение и в психотерапии, хотя и в несколько преобразованном виде. Под интенциональностью здесь понимается ориентация человека на мир в некий момент времени и его склонность двигаться по направлению к чему-то, являющаяся источником его смыслов [18]. Выявление интенциональности, интенциональной структуры переживания конкретного человека

является, согласно этому взгляду, одной из целей психотерапии.

6. СМЫСЛ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

С ключевыми понятиями переживания, сознания и интенциональности в феноменологии тесно связано еще одно важное понятие — *смысл*. Если сравнивать феноменологическую концепцию смысла с концепцией, получившей широкое признание и распространение в отечественной психологии (см. [13]), то они имеют целый ряд параллелей. К примеру, в обеих порождение смысла напрямую связывается с интенциональностью (целевой направленностью сознания или деятельности). В то же время в феноменологии смысл понимается несколько шире: не просто как значимость, которой обладают для нас предметы (вещи, люди, события), а как определенный способ данности для нас предметов. Смысл — это форма, в которой представлен предмет в нашем сознании. Это все то, что мы полагаем или мним о некотором предмете в актах восприятия, суждения, фантазии, желания, эмоции и т.п. Любое переживание обладает своим смыслом. Так, наше восприятие дерева обладает своим смыслом — воспринимаемым деревом как таковым [4]. Смысл — это предмет в его содержательном определении или наполнении. Это предмет в каком-то аспекте или ракурсе, усматриваемом нами, значимом для нас и готовом для понятийного выражения.

Существует заметное сходство между понятиями смысла у Э. Гуссерля и Г. Фреге, между теорией интенциональности и теорией референции, что не раз отмечалось [31]. Согласно Г. Фреге, смыслы — различные способы представления денотата [27]. Интересно, что известный психолингвист Н.И. Жинкин, будучи учеником Г.Г. Шпета (отечественного феноменолога и последователя Э. Гуссерля), а в молодости и автором работ по феноменологии, объединил обе эти теории в ориги-

нальной концепции *текстового смысла*. Опираясь, с одной стороны, на понятие предметного смысла Г.Г. Шпета и Э. Гуссерля, а с другой — на теорию Г. Фреге, он полагал, что текстовый смысл можно представить в виде иерархии предикатов, приписываемых некоему предмету, выступающему в тексте в роли денотата [10]. Согласно Н.И. Жинкину, смысл связан с особым предметно-изобразительным кодом — цельной наглядной схемой предмета или ситуации, которая лежит в основе порождения любого высказывания. При таком понимании, как мы отмечали ранее, по-разному представленный предмет будет образовывать различные смыслы, и чем больше связей и сторон мы можем установить относительно него, тем многоосмыслиней он для нас [24].

7. «Я» КАК САМОТОЖДЕСТВЕННЫЙ ПОЛЮС

Феноменологическая концепция «я» — это оригинальная попытка по-новому подойти к одной из самых неприступных проблем психологии и философии. С учетом того, что в последнее десятилетие социальные науки проявляют повышенный интерес к этой проблеме, количество публикаций и исследований, посвященных «я» (*self*), возросло многократно, а само понятие стало одним из самых модных в западной научной литературе, — будет интересно разобраться в этой концепции. Ее можно назвать «классической» в силу того, что Э. Гуссерль еще верил в «я» как в единый и тождественный полюс переживаний. Это выглядит анахронизмом в свете представлений о «я» как множественной, децентрированной и динамической структуре представлений, которые преобладают сегодня в философии и психологии (как следствие влияния постмодернизма, теорий самоорганизации и отдельных психологических теорий).

Одна из особенностей наших переживаний — их сопряженность с «я». Любое восприятие, воспоминание, фантази-

рование, суждение мы приписываем некому «я», которое является для нас пунктом исходного единства и тождества. Как пишет Э. Гуссерль, обращая внимание на свои переживания, я сознаю, что всегда уже существовал, заранее был дан себе в первоначальном созерцании. В то же время «я» – это не переживание среди переживаний, последовательность или фрагмент переживаний [4; 126]. Мы не найдем в рефлексивном усмотрении нечто особое, что можно было бы назвать нашим «я», – какую-то особую структуру или сущность. На это спрашивающим указывал еще Д. Юм, говоря о том, что никак не может уловить свое «я» как нечто существующее помимо пучка восприятий [30]. На это еще раньше указывали последователи буддизма школы мадхьямики, не нашедшие в своих медитативных самоисследованиях ничего, с чем можно было идентифицировать понятие «я», и заявившие о его пустотности [21]. Э. Гуссерль также говорит о том, что переживающее, или чистое, «я» совершенно пусто: в нем нет никаких сущностных компонентов, нет никакого содержания, которое можно было бы раскрыть, и оно не подлежит никакому описанию [4; 176]. Получается, что «я» неотделимо от переживаний, однако не сводится к ним. Что же в таком случае представляет собой это чистое «я»?

Как сказали бы мы сегодня, «я» – это самовоспроизводящаяся в потоке переживаний структура. Э. Гуссерль характеризует «я» через понятие *самоконституции*: чистое «я» есть сущее для самого себя, непрерывно конституирующее себя как существующее [5; 145]. Существование и самоконституция «я» непосредственно обеспечиваются действием процессов *я-идентификации* – соотнесения «я» с собственным же потоком переживаний [17; 476]. Таким образом, можно сказать, что «я» – это форма соотнесения, объединения и идентификации переживаний. Неправомерно отождествлять чистое «я» с психофизиологическим субъектом или личностью как носителем

личностных черт, равно как и мистифицировать его и превращать в какую-то особую духовную субстанцию или субъекта. Чистое «я» – это процессы и структуры самоидентификации, которые Э. Гуссерль относит к особому, высшему классу. Как отмечает Н.В. Мотрошилова: «я» – это обозначение единства, завершенности, целостности любого сознания как определенного потока, как моего сознания [17]. Добавим, что рассматриваемое представление имеет параллели с современными теориями, связывающими «я» с феноменами самовоспроизведения, рекурсивности и автотреферентности [15], [28].

Представленная концепция позволяет, на наш взгляд, разрешить дилемму множественности/единичности «я», которая занимает сегодня важное место в обсуждениях данной тематики. «Я» – всегда есть дляящееся, временное «я», конституирующее себя в своих временных модальностях. Как отмечает Э. Гуссерль, одно и то же «я», присутствующее в настоящем, в каждом прошедшем моменте есть уже некоторым образом другое «я» – то, которое было. Наше актуальное, теперешнее «я» всегда может сообщаться со своим прошлым и уже не существующим «я», вступать с ним в диалог, критиковать его, как если бы это был кто-то другой [6]. Таким образом, мы можем признать и объяснить как феномен множественности «я», так и противоположный феномен – переживаемое единство, преемственность и единичность «я», без мистификации и преувеличения каждого из этих феноменов.

8. ЖИЗНЕННЫЙ МИР

Это понятие феноменологии прочно вошло в лексикон современных социальных наук: социологии, психологии, этнографии. Жизненный мир – это мир, воспринимаемый человеком или группой людей как нормальный, привычный, само собой разумеющийся мир, в котором прохо-

дит их повседневная жизнь. Это то, что мы считаем существующим и реальным, на чем мы строим наши представления и подход к жизни. Это мир, «соотнесененный с субъектом», мир как он созерцается и переживается субъектом до всякого научного разоблачения. Э. Гуссерль противопоставлял жизненный мир *объективно-истинному миру* как идеализированной, недоступной созерцанию и не данной в опыте теоретико-логической абстракции, которую мы создаем с помощью науки [6]. Одну из главных проблем науки Э. Гуссерль видел в том, что она не доходит до своей конечной цели: относиться с жизненным миром человека, с его повседневной жизнью⁴. Увлекаясь научными построениями, мы нередко подменяем ими жизненный мир. Этую идею хорошо иллюстрирует А. Шюц: «Место, в котором я живу, значимо для меня не как географическое понятие, а как мой дом. Предметы моего повседневного пользования значимы для меня как мои орудия и инструменты, а люди, с которыми я состою в тех или иных отношениях, являются для меня родными, друзьями или чужими» [29; 195].

Любая вещь или событие сознается нами в горизонте нашего жизненного мира. К его особенностям принадлежат его субъективность и относительность. Л. Витгенштейн писал: «Мир счастливого отличен от мира несчастного» [2]. Можно сказать, что жизненные миры разных людей и культур различаются между собой структурно — по составу входящих в них объектов, вокруг которых строится жизнь людей. В чьем-то мире присутствуют злые духи и будды-защитники, чей-то населен «враждебными» представителями другой национально-

сти и фанатами чужого футбольного клуба, чей-то наполнен коллегами по работе и предметами творчества. Р. Лэйнг стремился показать осмысленность и легитимность мира душевнобольного, рассматривая феноменологию как действенное средство артикуляции того, чем является этот мир и как способ бытия человека в нем [14]. Однако при всей относительности жизненный мир, как отмечал Э. Гуссерль, имеет общие для всех структурные компоненты, или *инварианты*: пространственные формы, движение, чувственные качества и пр. [6].

Идея жизненного мира в различных формах нашла свое воплощение в социальных науках. А. Шюц удачно распространил ее на описание структуры социально-го мира, что сделало это идею продуктивной для социологии и социальной психологии [29]. Она стала неотъемлемой составляющей идеологии «качественных исследований», назначение которых отдельные авторы видят как раз во всестороннем и углубленном познании жизненного мира респондента, в стремлении взглянуть на мир его глазами [12], [22]. К. Роджерс полагал, что вера в существование единого и одинакового «реального мира» ведет к развитию ложных убеждений и что эффективная психотерапевтическая помощь заключается как раз в принятии и понимании мира клиента [20]. Наконец, в отечественной психологии эта идея нашла свое развитие в представлении Ф.Е. Василюка об «онтологии жизненного мира» и «онтологии изолированного индивида» как двух альтернативных подходах к психологическому исследованию [1], а также в концепции смысла Д.А. Леонтьева, в которой жизненный мир рассматривается как совокупность объектов действительности, связанных с субъектом жизненными отношениями [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что понятие «феноменологическая психология» получи-

⁴ Сегодня эти задачи академическая психология отдала на откуп психотерапии, которая непосредственно занята постижением жизненного мира других людей, хотя и движется в данном направлении наугад, опираясь на случайно обнаруженные факты и выхолощенные объяснительные схемы — как наверняка сказал бы сегодня Э. Гуссерль.

ло широкое распространение в психологии и психотерапии, оно остается крайне размытым. Его используют как нечто само собой разумеющееся и известное, хотя при необходимости мы не сможем найти работ, дающих ясный ответ на вопросы: что из себя представляет феноменологическая психология и почему мы говорим о ней как о «подходе» или «направлении»? В лучшем случае мы сможем догадаться о родственной связи этого направления с одноименным направлением в философии, найти дежурные ссылки на расхожие феноменологические понятия («интенциональность», «феноменологическая редукция» и других), а в списке имен встретить представителей самых различных взглядов и дисциплин (феноменологии, герменевтике, Dasein-анализа, экзистенциальной психотерапии, системно-семейной психотерапии и др.). Исключение составляют работы нескольких западных авторов (А. Джорджи, Э. Кина, Я. Оуэна, Д. Крюгера и других), внесших важный вклад в обоснование феноменологической психологии как направления и методологии исследования. Однако даже в этих работах описание чаще всего ведется на непереводимом и совершенно «закрытом» языке. Так, безусловный лидер этого направления за рубежом А. Джорджи определяет предмет психологии с феноменологической точки зрения как «качество интенционального отношения, регион переживания, в котором предметно-зависимые свершения сознания конституируют смысл феномена» [33].

Ранее мы попытались собрать вместе и обобщить все то, что было создано и развивалось под флагом «феноменологического подхода» в психологии и психотерапии, описав его историю, линии развития, ключевых представителей и методологию, а также высказать собственное понимание ее предмета, целей и перспектив [25], [26]. Мы определяли феноменологическую психологию как форму исследования и практики, направленную на прояснение,

анализ и описание некоторого первичного опыта [26]. В данной статье мы стремились доступным образом представить ряд оригинальных концепций феноменологической психологии, многие из которых остаются неизвестными широкому кругу психологов. Несмотря на то что наш анализ лишен той конкретности, которая является достоинством исходных концепций, он позволяет, как мы полагаем, лучше познакомиться с проблемным полем феноменологической психологии.

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984.
2. Витгенштейн Л. Философские работы (Часть 1). М.: Гнозис, 1994.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. I: Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб: Владимир Даль, 2004.
7. Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994.
8. Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 3 (1): Логические исследования. Т. II (1): Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001.
9. Джендлин Ю. Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М.: Класс, 2000.
10. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
11. Зинченко В.П., Мунипов В.М. Эргономика и проблемы комплексного подхода к изучению трудовой деятельности // Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. 1976. Вып. 10. С. 28–67.
12. Кваде С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
13. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
14. Лэнэ Р. Расколотое «я». СПб.: Белый кролик, 1995.
15. Маттурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
16. Молчанов В.И. Различие и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и Издательство «Три квадрата», 2004.

17. Мотрошилова Н.В. Идеи И Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология-Герменевтика, 2003.
18. Мэй Р. Любовь и воля. М.: Винтаж, 2007.
19. Райнах А. Собр. соч. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
20. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 2001.
21. Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
22. Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 2. С. 18–28.
23. Улановский А.М. Новые рубежи феноменологии: за пределами постмодернизма в эмпирических исследованиях // Вопр. психол. 2007. № 5. С. 180–182.
24. Улановский А.М. Смысл и уровни сообщения в свете психологического анализа // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 214–233.
25. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130–150.
26. Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Моск. психотер. журн. 2009. № 2. С. 27–51.
27. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНИТИ, 1977. Вып. 8.
28. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Бахрах-М, 2001.
29. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
30. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Мн.: ООО «Попурри», 1998.
31. Follesdal D. Husserl's notion of noema // J. of Philosophy. 1969. V. 66. P. 680–687.
32. Gendlin E.T. Experiencing and the creation of meaning: A philosophical and psychological approach to the subjective. Evanston: Northwestern University Press, 1962.
33. Giorgi A. The meaning of psychology from a scientific phenomenological perspective // Etudes Phenomenologiques. 1986. № 4. P. 47–73.
34. Husserl E. Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy: Studies in phenomenology of the constitution. Second book. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002.

Поступила в редакцию 17.IX 2009 г.